

— Некогда жил на прекрасной земле сильный и могучий народ, который эллины называли «атлантами». Сами же атланты звали себя более скромно — «великими», ибо считали, что все тайны мира, все знания и все законы были узнаны или изобретены ими. И потому лишь они, считали атланты, достойны носить звание прародителей человечества и открывателей и хранителей всех истин.

— Какая глупая гордыня... — прошептал кто-то из учеников.

— Ну, не будем столь прямолинейны в суждениях. Ибо некогда, и это чистая правда, атланты уже владели многими научными знаниями, которые мы начинаем постигать лишь сейчас. Они первыми научились плавить металлы и прядь нити, изобрели колесо и бумагу... Во всяком случае, так говорят легенды мира. Со временем стали атланты ленивы и нелюбопытны. Они решили, тут ты прав, ученик, что уже все ими открыто, все тайны разгаданы и все искусства им подвластны. И тогда начался в истории этого народа, живущего посреди океана на изумительно красивом зеленом острове, долгий период сбора, накопления и систематизации этих самых знаний, загадок и тайн. Сколько тысячелетий он продолжался, неведомо никому. Быть может, длится и сейчас... Безумием было то, что атланты решили не просто собирать тайны и красоты мира,

а захотели весь мир классифицировать, решили все чудеса ранжировать, поставить на полку и украсить этикеткой. Увы, множество прекрасных произведений искусства, книг, изобретений сочли они тогда неподходящими и достойными лишь свалки. А свалкой эти надменные люди считали весь остальной мир. И тогда множество странных железных кораблей, управляемых не ветром или веслом, а неведомой силой, стали привозить в Ливию и Кемет, в землю франков и Элладу прекрасные статуи и рукописные книги, свитки и сосуды с удивительным содержимым, а то и пустыми, но со странным устройством внутри.

— Надменные недоумки...

— ...Множество вещей моряки — посланники «великих» — попросту сбрасывали в воду у островов или выкладывали на прибрежный песок. Должно быть, эти самые «великие» хотели таким образом посмеяться над отсталыми, по их мнению, народами. Должно быть, атланты думали, что весь остальной мир испугается изваяний, которые найдет в полосе прибоя, оравится содержимым амфор и кувшинов или уничтожит себя, попытавшись разгадать неведомые изобретения.

Учитель, которого звали Георгий, усмехнулся. Он, всю жизнь отдавший тому, чтобы знания и умения расходились по миру, до сих пор не мог взять в толк, как можно из бесконечной сокровищницы чудес и тайн что-то выбрасывать, уничтожать или запрещать.

— Но народы мира, получившие эти дары, оказались куда умнее самих «великих». Они разгадали тайны неведомых устройств, не стали торопиться и пробовать на вкус неведомые снадобья, научились читать выброшенные «великими» письма и любоваться картинами и изваяниями.

— Прости, что перебиваю тебя, учитель, — робко проговорил высокий юноша. — Но ты только вчера получил от ученика из страны Мероэ удивительные дары... Исторические книги же в один голос твердят, что страна Мероэ скрылась под песками еще в те дни, когда черная страна Кемет была молода и ею правили лишь первые фараоны.

— Ты чуть поспешил, Хасан... Хотя, быть может, это я чрезмерно увлекся описанием предполагаемой атлантами глупости древних народов. Пора рассказать вам, ученики, и о великой мудрости, древним народам также присущей.

Да, юный Хасан, ты прав. Этот щедрый дар мне прислал мой давний ученик, ныне властелин страны Мероэ. Ты опять прав, ученик: прекрасная страна мудрецов, Мероэ, появилась задолго до того момента, когда расцвела черная земля Кемет, задолго до того, как первый из фараонов стал править Верхним и Нижним Царствами. Спокойно и гордо шествует сквозь века эта, как говорят, исчезнувшая страна. Но те, кто считает, что она ушла в пески пустынь, растворилась и что даже кости ее народа истлели и превратились в ничто, воистину неправы.

Некогда страна эта воевала, как и другие страны. Ее властители завоевывали соседей, пытаясь расширить свои владения и покорить чужие народы. Но к началу царствования последнего из известных истории царей (*истории*, дети мои, но не нам) народ этот стал спокоен и нечестолюбив, желая лишь покоя и мира с соседями. И желание это было столь сильно, что оно, словно щит, закрыло от посторонних глаз прекрасную страну. Страна жива и поныне; она и сейчас цветет, развивает искусства и науки, учит своих

детей всему, что только есть в этом прекрасном подлунном мире.

— Жива, учитель? Жива и невидима?!

— Да, — кивнул Георгий. — Страна прекрасна, ибо я там бывал. И она невидима, ибо только так ее жители, а их тысячи и тысячи, могут защититься от притязаний соседей, от завоевания и разорения.

— И значит, книги по истории врут?

— О нет, мальчик, книги по истории правдивы. Они просто не могут рассказать то, чего не знают их авторы.

— Но ведь ты это знаешь, уважаемый учитель!

— Знаю и с удовольствием делюсь этим знанием с вами. Ведь вы, мои любимые ученики, не пойдете завтра во главе войска с войной на царство Мероз, верно? Вам без надобности их земли и сады, реки и дворцы. Вам достаточно знания о том, что они существуют, и, быть может, когда-то вы, чистые сердцем, сможете туда попасть. Ибо дорога к таким, спрятанным от жестокого мира странам, для пытливых умов и сердец открыта всегда.

Эти слова слышали не только ученики достойного Георгия, но и статуи, что нашли свой приют в прохладной полутьме библиотеки. Быть может, все, что учитель рассказал в этот предвечерний час, было чистой правдой. А может, оно было тем, что мудрый Георгий только считал правдой. Истина бывает намного более удивительной, чем даже самые смелые предположения великого наставника...

Знали это лишь статуи. Должно быть, поэтому так странно улыбались губы каменной красавицы...

Свѣтъокъ невѣдѣтъ

— А теперь, мои усердные ученики, — дребезжащий голос почтенного Мустафы окреп, — я поведаю вам одну давнюю легенду.

— Легенду, почтеннейший? — переспросил Мераб, сын визиря и любимый ученик Мустафы.

Только ему, следует сказать честно, мог простить уважаемый учитель столь непочтительное поведение.

— Да, мои невоспитанные слушатели, — с укором в голосе продребезжал Мустафа. — Ибо всю неделю вы были прилежными учениками и усердно изучали сложнейшее строение внутренней логики, что движет сводом законов великой Поднебесной империи. В награду за это я и захотел рассказать вам о Медном городе, заповедном и прекрасном. Город этот отстоит и от империи Син, и от всех остальных стран и полисов на многие тысячи фарсахов. Так гласит легенда.

— Легенда? — вновь непочтительно перебил учителя Мераб. — Тогда, наверное, города этого давно уже нет...

— Мой самый неучтивый из учеников, — дребезжание Мустафы стало чуть громче. — Если о чем-то говорит легенда, это еще не значит, что ее предмет не существует. Более того, это значит, что предмет сей столь необыкновенен, что говорить о нем может лишь сказка, а не скучные летописи или записи в ученической тетради.

«О Аллах, — подумал непочтительный, но любопытный двенадцатилетний Мераб, — если учитель говорит столь громко и столь цветисто... Должно быть, легенда эта и в самом деле необыкновенная».

Юноша решительно отвернулся от окна, за которым купались в солнечном свете глицинии дворцового сада, и сосредоточился на речах наставника.

— Итак, Медный город...

Мустафа замолчал и сделал несколько шагов вдоль стены классной комнаты.

— Пожалуй, я начну так, как начинается сама легенда... Лежит, гласит она, прекрасный Медный город не за горами и долами, не за океанами и морями, а за пределами разума ограниченного и нелюбопытного. Ибо путь туда открыт лишь избранным. Живут в этом удивительном городе люди сильные и смелые, отважные и разумные. Живут они без страха перед будущим, ибо оно им ведомо, живут и без страха перед нищетой, ибо люди эти небедны и щедры. Также неведом жителям Медного города и страх перед врагом, ибо нет у них врагов ни среди людей, ни среди зверей.